

УДК 94.316.472.4

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15

БРЫЛЕВ Андрей Алексеевич
Краснодарский филиал Финансового
университета при Правительстве Российской
Федерации
г. Краснодар, Россия
bryliov.andrey@yandex.ru

Andrei A. BRYLYOV
Krasnodar branch of Financial University under
the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
bryliov.andrey@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДА И ВЛАСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

RELATIONSHIP OF THE PEOPLE AND GOVERNMENT AFTER OCTOBER 1917

Автор предлагаемой статьи ставил перед собой задачу рассмотреть существующие отношения народа к советской власти на Кубани в первые годы после Октябрьской революции. Не давая однозначной оценки исследуемому периоду, а опираясь на реальную почву, показать острые противоречия интересов советской власти и народа, существующие между ними, на основе официальных данных архивного характера: разного рода отчетов, протоколов партийных и советских органов. Массовые представления о власти, ее месте в обществе не раз подверглись серьезному пересмотру. Революционная практика пришла в столкновение с массовым сознанием различных социальных групп, вмешательство государства во все сферы жизни общества неизбежно влекло за собой социальные взрывы. Игнорируя народное сопротивление новой власти невозможно разрешить трудные проблемы истории: в их числе природа октябрьской революции, характер советского государства и специфика развития советского общества. Социальный протест масс в советский период – одна из наиболее слабо изученных проблем в отечественной историографии. Между тем речь идет о «народной истории», об историческом процессе, творимом массами не по указанию государства, а вопреки ему. Исследователь обращает особое внимание на то, что знание протестного движения важно не только в историографическом плане, но имеет важное политическое звучание в современной России.

The author of the proposed article set a task to consider the actual relations of the people to Soviet power in the Kuban in the first years after the October Revolution. Do not give a unique estimate to the studied period, but based on real facts, to show the sharp contradictions between the interests of the Soviet government and the people existing between them, on the basis of official archival data: various reports, protocols of party and Soviet bodies. The mass of power, its place in society has undergone a major revision, the revolutionary practice has come into conflict with the mass consciousness of various social groups, state intervention in all spheres of life inevitably entailed a social explosion. No study of popular resistance to the establishment of the new government in Russia cannot successfully resolve major problems in the history of this period: nature of the October revolution, the nature of the Soviet state and the specifics of early Soviet society. Social protest of the masses in the Soviet period is one of the most poorly understood problems in Russian historiography. Meanwhile, we are talking about "popular history" of the historical process, perpetrated by the masses not at the direction of the state, and in spite of it. The author of the article pays special attention to the fact that the study of protest movement is important not only historiographically, but also has an actual political connotation in modern Russia.

Ключевые слова: советская власть, народ, Октябрьская революция, общественно-политический кризис, Кубань

Keywords: Soviet power, people, October Revolution, sociopolitical crisis, Kuban

В 2017 г. исполнилось 100 лет со дня Октябрьской социалистической революции. Политики и политологи, историки и социологи дают различные оценки событиям вековой давности, изменившим ход развития России, сломавшим государственный строй и устоявшуюся систему управления. В настоящее время ведутся серьезные дискуссии о переосмыслении геополитической значимости Северного Кавказа. «Идеологический флер того времени несколько не потускнел, а, пожалуй, стал еще более четким и продолжает оказывать свое влияние на состояние современного российского социума» [1]. В этом регионе образовался своеобразный «геополитический вакуум», его положение на международной арене обретает новую конфигурацию, что способствует «развитию дезинтеграционных тенденций» [2]. Этот фактор делает рассматриваемую проблему актуальной. За рамками предлагаемой статьи оставим собственные симпатии и антипатии к прошлому, попытаемся показать, как шло становление советской власти на Кубани, опираясь на документы Государственного архива Краснодарского края.

После революции 1917 г., как известно, наблюдался рост политической активности населения, протестные настроения против укрепляющейся общественно-политической системы. Новая власть к этому времени еще не сумела обрести твердую опору в лице крестьян, рабочих, военных и др. Даже казачество, веками служившее опорой самодержавию, крушение монархии восприняло достаточно сдержанно, несмотря на то, что до 75% казаков считались зажиточными.

Первым своего рода конституционным документом в России была Декларация трудящегося и эксплуатируемого народа, согласно которой власть принадлежала трудящимся и их полномочным представителям - Советам.

3 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одобрил роспуск Учредительного собрания и создал конституционную базу для новой власти. Отправной точкой в этом вопросе стал конституционный акт, согласно которому Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В начале апреля того же года ВЦИК создал конституционную комиссию под председательством Я.М. Свердлова, в ее состав вошли Н.И. Бухарин и И.В. Сталин. После рассмотрения нескольких вариантов конституционных актов за основу был взят проект Сталина, соответствующий европейским стандартам о парламенте. Высшей властью признавался Всероссийский съезд Советов. Между съездами основная работа ложилась на Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) в составе 200 человек, который, в свою очередь, избирал правительство - Совет народных комиссаров (СНК).

Отметим, что тяготы гражданской войны ухудшили материальное положение казаков, инородных, горцев. Во многих населенных пунктах начались массовые волнения. Солдаты и казаки отказывались стрелять в народ, что свидетельствовало о том, что власти в лице казаков теряли свою главную опору [3].

После падения старого режима началось формирование органов власти на местах. Взаимоотношения новой власти с населением полны трагических моментов. Ярким подтверждением сказанному служат отношения с представителями советской власти после Октябрьской революции 1917 г. различных слоев населения на Кубани.

Из Майкопского отдела (село Успенское) поступила телефонограмма: «Весь хлеб забирают. На нашу Успенку пришла бумага, чтобы наша Успенка вывезла 237 000 пудов хлеба, это прислано в августе месяце и до сих пор еще не вывезли, потому, что у нас такого объема хлеба не будет. И вот теперь нашему селению не дают ни керосина, ни мануфактуры, ни соли... Еще у нас конфисковали хлеб и ячмень: 350 пудов пшеницы и 50 пудов ячменя... Кто-то написал записку и бросил в ящик жалобу, приезжала комиссия к нам, взяла меня и Григория Колесникова. Нас арестовали и отправили в Чрезвычайку, а пшеницу забрали. Потом через неделю нас выпустили... Еще 57 человек посадили в Чрезвычайку, тех, которые разверстку никак не провели, потому что ее нет: "Нет, так садись в Чрезвычайку!"» [4]. В станице Михайловской проводилась массовая конфискация скота, что вызвало недовольство станичников, начались восстания, «коммуны никто не желал». В станице Кущевской у руля оказались представители прежней власти и вершили судьбы людей. Народ рассчитывал «взять в свои руки кормило правления». На практике большевики ревкомы переименовали в исполкомы, а «народу и профсоюзу показали только ножки да рожки». Предвыборная комиссия в составе трех человек предложила дать тринадцать кандидатов в Совет. Ни одного из предложенных кандидатов в состав исполкома не ввели, а когда настал день выборов, населению преподнесли готовый список и рекомендовали его утвердить. «Когда граждане стали протестовать, им предложили замолчать и пообещали всех тех, кто производил протест, посадить в собачий ящик». После этого зачитали список и собрание закрыли. Такие выборы поставили население в тупик, избранный Совет получил полное презрение народа [5].

В Краснодарском отделе в исследуемый период резко ухудшилось отношение к советской власти городского и станичного населения, а также пролетарско-рабочего класса. Недовольство рабочих было основано главным образом на экономической и материальной почве. Тяжелое полуголодное существование при отсутствии классового самосознания и необходимой политической работы создали благоприятную почву для антисоветских агитаций. Так, на заводе «Подкова» рабочие сагитировали против закрытия рынков и выхода на субботник. На заводе «Кубаноль» выступления проводились под лозунгом «За Советскую власть, долой жидов!» [6].

Нравственный критерий, по которому на Руси жили и оценивали происходящее «...каждому - по заслугам, каждому - по делу его рук», в таких условиях не работал [7].

Активизировалась борьба против новой власти в г. Ейске. Там был раскрыт контрреволюционный заговор, арестовано до 100 человек, в организации заговора принимали участие и активные советские работники. Кроме подпольных антисоветских организаций в центре этого отдела, наблюдалось влияние новых организаций с инициативой местного кулацкого населения. В станице Полтавской и Старо-Нижестеблиевской в ходе хлебной разверстки убили двух красноармейцев. В станице Старотитаровской за отказ от выполнения хлебной разверстки взяли 100 заложников [8]. В Лабинском, Баталпашинском и Темрюкском отделах отношение к советской власти было враждебным.

Для укрепления позиций советской власти Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет назначил с 15 по 30 ноября по всей области перевыборы исполкомов. Перед каждым избирателем стоял вопрос: «Кого же выбирать в Совет, кого в Исполком?». Надеялись голосовать «за честного товарища, честного советского гражданина, не мошенника, не плута, не прихвостня», одним словом, за честного станичника. В исполкомы предлагали выбирать энергичных, толковых,

преданных интересам трудящихся, стойких и верных защитников советской власти из числа рабочих и крестьян; прежде всего, коммунистов, доказавших на деле свою преданность интересам рабоче-крестьянской бедноты, честных беспартийных станичников, «...каковых много среди демобилизованных красноармейцев, крестьян, горцев, казаков-бедняков, которые рука об руку с коммунистической партией поведут страну к новым битвам с хозяйственной разрухой и к новым славным победам» [9].

Представляет интерес вопрос использования гражданами своего права. В инструкции по выборам 1921 г. в станичные, сельские, хуторские и аульские Советы депутатов и по созыву областных, отдельных и волостных съездов Советов правом избирать и быть избранными пользовались граждане РСФСР, которым ко дню выборов исполнялось 18 лет, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости; солдаты Советской армии и флота, иностранцы, проживающие на территории Кубани и Черноморья, принадлежащие к рабочему классу или крестьянству и не пользовавшиеся чужим трудом. Избирательного права не лишались лица, добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, занятые домашним хозяйством, в промышленности, торговле, сельском хозяйстве, а также казаки, которые не использовали наемный труд с целью извлечения прибыли, и граждане, входящие в одну из перечисленных категорий, потерявшие трудоспособность [10].

Лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капиталов, доход с предприятий, поступление с имущества и т.п.), частные торговцы, торговые и коммерческие посредники не могли избирать и быть избранными в Совет. В выборной кампании запрещалось участвовать монахам, служителям религиозных культов, служащим и агентам бывшей полиции (особенно корпуса жандармов и охранных отделений), а также членам царствовавшего в России дома. В соответствии с постановлением Кубано-Черноморского ревкома № 334 от 3 сентября 1920 г., лишались избирательного права члены семейств, ушедших в ряды белых и бело-зеленых, лица, признанные душевно больными, состоявшие под опекой, осужденные за корыстные либо порочащие их преступления. Категорически запрещалось участвовать в выборах «противникам Советской власти, лицам, оказывавшим поддержку белым и бело-зеленым в борьбе против Советской власти (бывшим атаманам, сотрудицам Освага, членам Кубанского Краевого Правительства, членам Особого Совещания, семьям лиц, ушедших к белым, бело-зеленым, красно-коричневым и др.)» [11].

В циркуляре Президиума Областного комитета РКП (б) говорилось, что избирателям необходимо твердо помнить, что мелкая буржуазия и кулачество, получившие экономические права и возможности проявлять частную хозяйственную инициативу, стремятся получить политические права и принять участие в управлении государством. Предстоящие перевыборы в Советы поставят перед собой задачу использовать для достижения своих целей путем влияния на беднейшие слои населения и дискредитации советской власти, в результате проникнут в Советы. Президиум настойчиво рекомендовал, чтобы в Советах не было «...ни одного кулака, ни одного интеллигента с мелкобуржуазной биологией, ни одного торговца, хотя бы самого мелкого, и ни одного кустаря, имеющего хотя бы только одного наемного рабочего или ученика. Вводить в Советы из крепких хозяйчиков-середняков можно только тем, которые не эксплуатируют и ранее не эксплуатировали чужой труд и достаточно наглядно доказали на деле свою преданность Советской власти» [12].

В опросном листе делегатов 1-го Съезда заведующих отделами управления области указано, что в Армавирском отделе в состав исполкома избраны 16 человек, в Лабинском отделе - 11 (из них 10 коммунистов и 1 беспартийный); в Тимашевском отделе - 7 человек (все вполне соответствуют своему назначению). При этом взаимоотношения исполкома Армавирского отдела с милицией хорошие, Лабинского - натянутые, Тимашевского - сложные. Отношение населения к Армавирскому исполкому - хорошее, к Лабинскому - сдержанное, к Тимашевскому - хорошее, работа протекает в тесном контакте. В Армавирском отделе население относится к советской власти средне, в Лабинском - неопределенно, в Тимашевском - удовлетворительно. Разверстка в Армавирском отделе выполнялась средне, местами плохо; в Лабинском - удовлетворительно, кроме хлеба; в Тимашевском - слабо, потому что непосильно. Взаимоотношения казаков к иногородним в Армавирском отделе хорошие, в Лабинском - удовлетворительные, в Тимашевском - противоречивые. Общее политическое состояние в Армавирском отделе среднее, в Лабинском - удовлетворительное, в Тимашевском - политическое состояние и настроение ухудшилось в связи с государственной разверсткой [13].

Следует отметить, что большевики в значительной степени скомпрометировали себя в глазах населения реквизицией, в станицах - осуществлением репрессий, борьбой с казачьими традициями, игнорированием особенностей казачьего быта. Постулат о самоопределении наций сделал горцев союзниками большевиков.

Таким образом, непродуманная политика, углубление кризиса российской государственности и иные факторы приводили к серьезному противостоянию. Формирование новых органов власти в исследуемом регионе проходило «в военной форме».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Невоструев Н.Н. Российское гражданское общество в 1917 году (на примере Пермской губернии) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. 4/2. С.57.
2. Титоренко М.Ф. Неэкономические регуляторы экономики // Материалы конференции «Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России». – М., 2016. С.123.
3. Титоренко М.Ф. Казаки Верхнего Прикубанья (XIX – начало XX вв.). – Краснодар: Изд-во «Новация»: 2015. С.17.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.Р-102. Оп.1 Д.32. Л.24.
5. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д. 32. Л.24-об.
6. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.23.
7. Титоренко М.Ф. Неэкономические регуляторы экономики // Материалы конференции «Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России». – М., 2016. С.124.
8. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.25.
9. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.101. Л.125.
10. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.102. Л.8.
11. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.101. Л.18.
12. ГАКК. Ф.Р-101. Оп.1. Д.44. Л.3.
13. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.379. Л. 3,6,24.

REFERENCES

1. Nevostruev N.N. Rossijskoe grazdanskoe obshestvo v 1917 godu (na primere Permskoj gubernii) [Russian civil society in 1917 (on the example of Perm province)]. Historical and Social-Educational Idea. 2017. No. 9. 4/2. Pp. 57-65. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-57-65.(in Russian)
2. Titorenko M.F. Neekonomicheskie regulatori ekonomiki. Materiali konferencii «Prioriteti i mehanizmi obespechenia ekonomicheskogo rosta, finansovoi stabilnosti i socialnoi sbalansirovanosti v Rossii» [Non-economic regulators of the economy. Proceedings of the conference «Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia»]. M., 2016. Pp.123. (in Russian)
3. Titorenko M.F. Kazaki Verhnego Prikubanja (XIX – nachalo XX vv.). Krasnodar: Izdatelstvo «Novacia» [Cossacks of the Upper Kuban (XIX - early XX centuries.)]. 2015. Pp. 17. (in Russian)
4. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archives of Krasnodar Region]. F.R-102. Op.1 D.32. L.24. (in Russian)
5. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.24-ob.
6. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.23.
7. Titorenko M.F. Neekonomicheskie regulatori ekonomiki. Materiali konferencii «Prioriteti i mehanizmi obespechenia ekonomicheskogo rosta, finansovoi stabilnosti i socialnoi sbalansirovanosti v Rossii» [Non-economic regulators of the economy. Proceedings of the conference «Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia»].
8. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.25.
9. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.125.
10. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.8.
11. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.18.
12. GAKK. F.R-101. Op.1. D.44. L.3.
13. GAKK. F.R-102. Op.1. D.379. L.3,6,24.

Информация об авторе:

Брылев Андрей Алексеевич, студент, кафедра экономики и финансов, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Научный руководитель: Титоренко Марина Федоровна - доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
bryliov.andrey@yandex.ru

Получена: 23.11.2017

Для цитирования: Брылев А.А. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.11-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.

Information about the author:

Andrei A. Brylyov, Student, Department of Economics and Finance, Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Scientific Adviser: Titorenko Marina Fedorovna - Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «Philosophy, History and Law». The Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
bryliov.andrey@yandex.ru

Received: 23.11.2017

For citation: Brylyov A.A. Relationship of the people and government after October 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 11-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15. (in Russian)